

РАННИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАБРОСОК

Публикация А. Сергеева

Первые письма Герцена, известные нам, адресованы «корчевской кузине», Т. П. Пассек (Кучиной). Относятся они к 1827—1828 гг. В воспоминаниях Т. П. Пассек читаем: «В продолжение года, проведенного мною в Корчеве, мы с Сашей беспрерывно переписывались» («Из дальних лет», изд. 2, т. I. СПб., 1905, стр. 217). Переписка эта не дошла до нас. Пассек рассказывает, что в 1834 г., после ареста Герцена, она сожгла его письма: «Писем Сашиних ко мне сгорело более двухсот» (там же, т. II, стр. 31). Но, повидимому, некоторая часть этих писем была, все же, сохранена ею (если не в подлинниках, то в копиях), так как в воспоминаниях, писавшихся в семидесятих годах, Пассек привела из них довольно много отрывков.

Один из эпизодов, запечатленных в переписке Герцена с Пассек, тесно связан с публикуемой ниже рукописью.

В своих воспоминаниях Пассек рассказывает:

«Вскоре по возвращении из Васильевского Саша писал мне:

„Я читаю „Confession de J.-J. Rousseau“ — эту исповедь страдальца, энергической души, выработавшейся через мастерские часовщиков, передние, пороки, до высшего нравственного состояния, до всепоглощающей любви к человечеству...“» (там же, т. I, стр. 223).

На этом текст письма, приводимого Пассек, обрывается. Далее она сообщает: «Я еще не читала Руссо, но слышала, что в его „Исповеди“ есть грязные страницы, и отвечала Саше: „Не слишком ли ты еще молод для того, чтобы нечистые картины, которых, я слышала, много в „Исповеди“ Ж.-Ж. Руссо, прошли перед твоей душой, не забрызгавши грязью“». Эти строки попались на глаза отцу Герцена и вызвали, как мы знаем, его горячее одобрение. «Саше,— добавляет Т. П. Пассек,— письмо мое не понравилось. Он взбесился» (там же, стр. 223).

В публикуемой рукописи затрагивается та же тема, что и в раннем письме Герцена,— отношение к Руссо. Те строки из письма Герцена, которые приводит Пассек, мы находим и в рукописи; они совпадают почти дословно. Но по своему характеру и внешним признакам публикуемая рукопись отнюдь не письмо, а отрывок мемуарного характера, относящийся к более позднему времени. Может быть, настоящая рукопись тоже была знакома Пассек. Если вспомнить, какие восторженные дружеские отношения существовали между молодым Герценом и его «Темирой», естественно предположить, что Герцен мог переслать Пассек свою обработку адресованного ей когда-то письма.

Публикуемая рукопись, подтверждая факт, сообщаемый Пассек, в известной мере реабилитирует ее воспоминания в той части, где мемуаристка рассказывает о своей переписке с Герценом. Как известно, М. К. Лемке подвергал достоверность записок Пассек серьезному сомнению, хотя сам же печатал в своем издании приводимые ею отрывки из писем Герцена.

Изменяя первоначальный, не дошедший до нас текст, Герцен придал беглой эпистолярной или, быть может, дневниковой записи характер мемуаров, воспоминаний, внес указание на место и время («после „Исповеди“ в 29 году в Васильевском...»), ввел упоминания о третьем лице («прочли мы с Темирой»), и т. п.

Точно датировать рукопись не представляется возможным, но начало работы над нею, естественно, должно определяться письмом Герцена к Пассек, написанным в 1828 г., а окончательный текст следует отнести, повидимому, к 1833—1834 гг.

В пользу предлагаемой даты говорят близость идей, выраженных в публикуемом отрывке и в работе Герцена 1832 г. — «О месте человека в природе», наличие в герценовском литературном наследии автобиографического отрывка, написанного в эти же годы: «(Посвящено сестре Ольге)» (I, 110), наконец, свидетельство Огарева о том, что Герцен предполагал летом 1833 г. заняться литературной обработкой своих воспоминаний («Русская мысль», 1888, № 7, стр. 6).

Публикуемая рукопись представляет существенный историко-литературный интерес. Перед нами первый набросок воспоминаний Герцена, документ, в котором молодой Герцен зафиксировал свои ранние социально-философские взгляды.

Идейное формирование молодого Герцена — это сложный процесс длительных и страстных исканий. Общественно-политические взгляды Герцена складывались на основе внимательного изучения русской жизни, под влиянием передовых идей русского общественного движения. Бедствия народа в условиях крепостнического строя с ранних лет развили в Герцене непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу. Огромную роль в идейно-политическом развитии Герцена сыграло восстание декабристов.

С другой стороны, Герцен рано познакомился с передовыми идеями Запада. С отроческих лет пользовался он богатой библиотекой отца. Проповедь Руссо, гневный протест Шиллера, разрушительный анализ энциклопедистов — все это помогало ему осмыслить русскую действительность.

Первый автобиографический набросок Герцена интересно сопоставить с автобиографической записью Огарева, сделанной им в 1856 г.: «... я не могу забыть первые впечатления, которые сильно затронули меня (*il soit dit en parenthèses* * и тебя) — это чтение Шиллера и Руссо и 14 декабря. Под этими тремя влияниями, очень родственными между собою, совершился наш переход из детства в отрочество» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 358).

В публикуемой рукописи нет упоминания о декабристах, хотя создание ее и относится к периоду, наступившему после клятвы на Воробьевых горах, когда симпатии к декабристам уже пробудились в молодом Герцене. Быть может, упоминания о декабристах мы не находим потому, что сохранился только небольшой отрывок из рукописи, а быть может и потому, что юный Герцен сознательно воздерживался от каких бы то ни было письменных упоминаний, касающихся этой «крамольной» темы: письменные высказывания Герцена о декабристах относятся к значительно более позднему времени.

Проповедь Руссо привлекала юного Герцена идеей общественного переустройства, страстной жаждой общечеловеческого счастья. Руссо воплощает для него «теплое» и «энергическое» начало французской философии XVIII в.

По-видимому, в то время, когда Герцен работал над публикуемой рукописью, «шиллеровский» период его жизни уже заканчивался: в рукописи звучит несколько ироническое отношение к идеальным героям Шиллера; увлечение ими — уже пройденный этап.

Третья тема, затрагиваемая Герценом в публикуемой рукописи, — это его отношение к Вольтеру. Герцен сознавал, что учение Вольтера носило, главным образом, отрицательный, негативный характер: Вольтер разрушал, но не создавал, не выдвигал положительной программы действий. Он был лишен действительного, революционного стремления переделать старый мир, — того стремления, которое так привлекало юного Герцена в «энергической» проповеди Руссо и Дидро, оказавшей большое влияние на идеологическую подготовку французской буржуазной революции 1789—1794 гг. Симптоматично, что в рукописи Герцена, рядом с Руссо, упоминаются не только Дидро, но также Робеспьер и Сен-Жюст. Идеи Руссо, как мы знаем, находили отклик и в среде декабристов. Но во что вырождалось вольтерианство в условиях

* замечу в скобках (франц.).

крепостнической России — Герцен мог наблюдать сам на примере многочисленных русских крепостников-«вольтерьянцев».

В то же время Герцена уже не мог удовлетворить метафизический материализм энциклопедистов. В философии Герцена рано сказалась самостоятельность русской философской мысли. Напомним, что в первой же своей философской работе «О месте человека в природе» Герцен подвергает резкой критике немецкий идеализм Фихте и «грубый материализм» энциклопедистов (I, 78 и след.); он рано понял реакционную подоплеку идеалистической философии Шеллинга. Молодой Герцен идет по пути создания своей собственной материалистической философии. И в замечательных «Письмах об изучении природы», о которых В. И. Ленин сказал, что в них «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10), зрелый Герцен подвергает уничтожающей критике метафизический материализм, хотя и подчеркивает то большое значение, какое имела для своего времени философия французских энциклопедистов.

Таким образом, публикуемая рукопись Герцена — это ценный комментарий к его общественно-философским взглядам начала тридцатых годов. Она показывает, что развитие Герцена, несмотря на юношески-восторженную романтическую фразеологию, шло по пути реалистического познания жизни, выработки революционного мировоззрения. В философских влияниях, воспринимаемых сквозь призму русской действительности, «лежал, — как писал Огарев, — зародыш реализма, который впоследствии развился в нас без пощадки к какому бы то ни было идеальному миру» («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 358). Как совершенно правильно указывает Я. Е. Эльсберг, «термин „реализм“ Герцен, начиная с 30-х годов, не раз употреблял для определения своего философского мировоззрения. Критикуя ограниченность метафизического материализма, он не только в годы студенчества, но и много позднее не решался назвать свои воззрения материалистическими, хотя и вкладывал в понятие „реализм“ именно материалистическое содержание» (Я. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество, М., 1951, стр. 33—34).

Великий революционер-философ, Герцен еще двадцатилетним юношей смело искал путей к подлинно-революционному познанию мира. В его юношеских высказываниях содержатся многие верные оценки основных философских и общественных идей того времени.

«...ЧТОБ ВЫРАЗУМЕТЬ ЭТУ ИСПОВЕДЬ СТРАДАЛЬЦА...»

...чтоб выразуметь эту исповедь страдальца, эту энергическую душу, вырабатывающуюся через мастерские часовщиков, передние, похоти, падения — до высокого нравственного состояния, до всепоглощающей любви к человечеству. После «Исповеди» в 29 году в Васильевском я взял «Contrat Social»; им Руссо надолго покори́л меня своему авторитету; нигде я не встречал с такою увлекательной силою изложенными либеральные идеи. Я стал боготворить Жан-Жака, тогда и жизнь его, особенно поэтическое бегство от людей в Эрменонвиль, привязали меня еще больше лично к нему; он мне казался каким-то агнем, несущим скорби всего человечества XVIII века. Я назвал любимое мое место в деревне Эрменонвиль и всегда поминал в нем * гражданина Женевы. Руссо в самом деле выражает все теплое начало французской философии XVIII века и все энергическое. Один Дидро может стать с ним рядом, но в Дидро нет этой чистоты *suū generis***, чистоты неподкушного Робеспьера, безумного Сен-Жюста. После «Contrat Social» прочли мы с Темирой «Discours sur l'inégalité de l'homme» и т. п. Я было принялся за «Новую Элоизу», да бросил на второй части; мне, упивавшемуся небесными девами Шиллера, которые все похожи на его Деву чужбины, с их неприступною чистотою, с их неземною жизнью, не могла нравиться физически

* Далее вычеркнуто: энергического

** особого рода (лат.).

порывистая любовь Юлии, ни даже слог переписки ее с любовником. Жизнь действительную я в то время плохо понимал. Я искал в поэмах* идеальные существа, какие-то тени, как все тени, имеющие образ чело- вечий, но без тела **.

Несмотря на мое пристрастие к политическому учению энциклопеди- стов, вполне я не предавался им. Какой-то внутренний голос, инстинкту- альный больше, нежели сознательный, боролся против *** грубого сен- суализма этой школы. Дух мой требовал свои права и отталкивал узкие истолкования ****. Может, чтение Шиллера направило меня выше***** воззрения Вол(ь)тера, может, гал(ь)ванизм века будил этот голос в моей душе — не знаю, но всего очевиднее ненависть моя к материа- лизму оказалась, когда я ***** вздумал заняться естественными на- уками — это был богатый эпизод в одностороннем политическом направ- лении, ему я обязан долею хороших результатов, до которых достиг впоследствии; и если вторично спасся от односторонности...

Автограф. ЦГЛА, ф. 129, ед. хр. 20. — Рукопись поступила в архив в 1949 г., среди других материалов так называемой «Бурцевской коллекции».

* *Далее зачеркнуто:* так называемые

** *Ранее читалось:* Жизнь действительную я в то время плохо понимал, и абстрактные существа, какие-то тени, едва имевшие образы человеческие, мне нравились в поэзии, так как абстрактные идеи составляли весь запас мышления. Потому-то Шиллер и есть по превосходству поэт юношей, что его фантазия выражала не полный человеческий элемент, как у Шекспира, а один юношеский со всеми увле- чениями и мечтами его.

*** *Далее зачеркнуто:* ужасного

**** *Далее зачеркнуто:* происхождение бога pour la raison natuerlle, чувства из материи человека без души, самый холодный, нелепый деизм их был мне противен. Эта часть зачеркнутого текста читается предположительно, так как правка, сделанная Герценом в этом месте, не совсем ясна.

***** *Далее зачеркнуто:* животного

***** *Далее зачеркнуто:* вдруг сосредоточил все свое внимание на естествен- ные науки